Советская культура
г. Москва

.2 2 ИЮН 1957

НЕ ВШИРЬ, А ВГЛУБЬ

О СПЕКТАКЛЯХ РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА БССР

С чувством живой симпатии принял московский зритель спектакли Русского драматического театра Белорусской ССР имени М. Горького, недавно отметившего 25-летие своей деятельности. Прошло всего два года со времени нашего первого знакомства с этим театром, и сейчас он снова подтвердил репутацию коллектива вдумчивого, пытливого, с вполне сложившимися вкусами. В творческом его облике подкупает тяготение к большой теме, к пьесам масштабным, отражающим коренные явления жизни, несущим положительные идеалы, к пьесам «с мечтой», как их называют в труппе. Отсюда вытекают и особен[illegible] коллектива.

Театр решает свои спектакли «крупным планом», резко выделяет основные столкновения, строит конфликт на борьбе сильных противников. При некоторых неудачах и срывах, какие у него бывают, коллектив стремится к театру мысли, а не отдельных фактов и разрозненных наблюдений. Обладая яркими индивидуальностями, он тем не менее не поддается распространенной опасности использовать пьесу как повод для чисто актерского или режиссерского успеха. Каждый раз он ищет подход к спектаклю как к синтезу всех его слагаемых, как к идейной проблеме.

Минчанам издавна близка героика и романтика нашего времени. [illegible] вехами в истории театра останутся спектакли «Кремлевские куранты», «Брестская крепость», «Порт Артур», «Оптимистическая трагедия».

В чем же причины победы театра? Режиссер «Оптимистической трагедии» М. Соколов вовсе не стремится быть оригинальным во что бы то ни стало. Повороты могучих бронированных орудий, быстрое движение круга с мертвенно застывшим матросским отрядом, беспокойный пробег облаков по ночному небу — все это производит впечатление не потому, что ново, а потому, что точно передает внутреннюю динамику пьесы. Спектакль этот по-хорошему традиционен и в то же время вполне самостоятелен. Его сила — в ясности и свежести взгляда на давно знакомое драматургическое произведение.

Художник А. Григорьянц счас[illegible] нашел основной принцип сценической конструкции, представляющей собой как бы гигантский иллюминатор, в вытянутом овале которого одна за другой развертываются лаконичные, драматические сцены. Там — прошлое, патетические страницы борьбы советского народа. Но прошлое не отделено от настоящего непроходимой гранью, оно просматривается [illegible] «магический кристалл» времени [illegible]ганически слито с нашей эпохой. Эта идея выражена не только в оформлении, она пронизывает весь спектакль.

В полный голос звучит центральная тема пьесы — тема неразрывного единства партии и народа, воспитания масс правдой коммунистических идей, заряжающей силой личного примера. Сквозное действие спектакля—превращение бушующей матросской стихии в тесно спаянный [illegible] солдат революции — проводится [illegible] многих человеческих судьбах. Коллективный образ массы [illegible] удался театру. Толпа живет [illegible] в остром ритме, бурно реагирует [illegible] все происходящее. В ней отчетли[illegible] различаются выразительные и колоритные фигуры, мы пристально следим за эволюцией сознания [illegible] эпизодических персонажей, за [illegible] медленным, но неуклонным движе[illegible] к пониманию правоты [illegible].

Достойный [illegible] — Алексей (артист Г. Некрасов). С [illegible] чувством [illegible], с покоряющей глубиной неподдельного переживания актер создает дерзкий и мятущийся характер. За внешней бравадой, за крикливой позой он раскрывает главное — размах и страстность размышлений Алексея, мучительную жажду правды, поиски себя.

Разительным контрастом на фоне распущенной морской вольницы возникает тонкий, стройный силуэт Комиссара в исполнении А. Климовой. С копной светлых волос, в блузке, сняв «обязательную» кожанку, она предстает перед буйными моряками как воплощение женской мягкости. У нее приглушенный голос, она кажется слабой, утомленной. Но вскоре обнаруживаются и другие черты: воля, неодолимая убежденность и выдержка. Климова показывает своего Комиссара при[illegible] агитатором [illegible] стально приглядывается к людям, хорошо думает, обладает неотразимым даром убеждения. И все же актрисе не следовало бы так подчеркивать болезненность героини спектакля, ее усталость. Это смещает задуманный характер, весь смысл которого — во внутренней силе.

Как известно, большая тема особенно обязывает художника: она требует не только точности идейно-творческой позиции, но и целеустремленности в ее осуществлении. И очень огорчительно, что в интересном спектакле, искрящемся выдумкой, немало уступок трафаретному, ординарному. Не выходит за рамки уже найденных решений Вожак, исполненный А. Кистовым. Броско, доходчиво, вызывая смех в зале, играет Сиплого Г. Коретков. Но, видимо, актер не замечает, как под грудой изобретательно придуманных комедийных находок мельчится авторское задание.

Мнимой театральности не избежал и режиссер. Нет-нет, да и соблазнится он очарованием красивой, но ненужной мизансцены, развлекательностью танцевального дивертисмента, задерживающего развитие действия. Не всегда постановщик находит в себе мужество отказаться от остроумных, но назойливых деталей, [illegible] отвечающих стилевым особенност[illegible].

Эти издержки большой и серьезной работы — соскальзывание некоторых актеров к эффектному, но поверхностному представлению, измельчание в отдельных местах самого замысла— явления не частные и случайные. Над ними надо задуматься хотя бы потому, что аналогичные недостатки обнаруживаются и в других спектаклях. Такие изъяны [illegible] по своей сути: [illegible] быстро разрастаться.

Больше всего эти просчеты [illegible]лись в «Короле Лире», старой [illegible] новке театра, уже известной москвичам. Положительные стороны этой работы несомненны, на них указывалось в печати. Но время идет, жизнь спектакля продолжается, и не следует умалчивать о том, что достоинства его тускнеют, а недочеты увели[illegible].

Будем справедливы. По-прежнему отчетлив режиссерский рисунок спектакля, поставленного В. Федоровым, и не[illegible]мого вне сурово-мужественных декораций А. Григорьянца. По-прежнему с незаурядным даром сценического перевоплощения передает трагическое преображение короля Лира в человека Лира А. Кистов. И [illegible]. В нем произошел заметный сдвиг [illegible] внутреннего к внешнему. Форма в[illegible]ражения созданных ранее образов осталась, а наполнявшее их содержимое значительно выветрилось. Н[illegible]торые актеры, ценя прямое и открытое выражение шекспировских страстей, потеряли при этом вкус к тому, что составляет психологическое наполнение роли, ее подтекст. Это неизбежно приводит к сужению емкости образов, к плоскостному, [illegible] изображению.

Живое и действенное [illegible] своих героев сохранили лишь [illegible] исполнители, и в их числе М. Сокол—Шут и Г. Некрасов—Эдгар. Уходя из театра, мы слышали замечание одного из его руководителей, что присутствовали на неудачном представлении. Хочется надеяться, что дело именно в этом, что «болезни» спектакля временные, поддающиеся исправлению, и что «Король Лир» на сцене минского театра снова обретет психологическое богатство, стреми-

«Оптимистическая трагедия». Вожак—А. Кистов. Комиссар — [illegible]

Фото В. НУЛИЦКАСА.

тельность ритма, разнообразие кра[illegible].

Настоящих успехов добивается только тот, кто предъявляет к себе повышенные требования. Эта художественная взыскательность присуща третьему спектаклю театра, открывшего москвичам превосходную финскую пьесу «Каменное гнездо» Х. Вуолийоки.

Реализм, возвышенный до символа, сказал Горький о «Дяде Ване». Слова эти можно смело адресовать пьесе Х. Вуолийоки. История распада одной финской семьи рассказана писательницей настолько художественно-конкретно и вместе с тем типизированно, что превращается в обобщенное изображение крушения сложившегося за столетия косного [illegible] быта. Каменное гнездо — это символ вековых устоев [illegible]ни, свежего ветра действительности.

Минский театр бережно доносит основной образ — символ произведения. Главный режиссер В. Федоров и художник В. Клецевский, рассматривая пьесу как драматическую поэму в прозе, создают своеобразную эмоциональную заставку к каждой картине. Специально написанный занавес вводит нас в атмосферу финского пейзажа: на высоком каменистом утесе, прямо над пропастью, навис уютный дом с красной черепичной крышей, а где-то там внизу плещут и бурлят волны бездонного озера... Но занавес поднимается, и проникновенная поэзия оборачивается суровой прозой, а уютный дом оказывается крепостью, где каменные, крупной кладки стены мышиного цвета,—и такая же мрачная жизнь, тягостно размеренная. Здесь полновластно господствует Хозяйка Нискавуори, ревностная хранительница старого миропо[illegible].

Умно и продуманно ведет А. Обухович эту роль, по праву находящуюся в центре спектакля. Актриса хочет постичь особенности национального финского характера с его неповторимой мелодикой речи, неторопливым душевным ладом. А. Обухович не сглаживает внешних противоречий образа. Ее Хозяйка мудра опытом многих поколений, но им же она огра[illegible] его пределы. Ее Хозяйка мечтает навеки сохранить обычаи «каменного гнезда», но она не может скрыть сердечной симпатии к Илоне, олицетворяющей силу, идущую на смену укладу, отжившему свой исторический [illegible].

В одном ключе с опытным мастером играют молодые представители театрального коллектива, хотя [illegible] пока не удалось воспринять в полном объеме все грани сложных образов пьесы. Ю. Сидоров хорошо доно[illegible] протест Аарне, но он не ощутил [illegible] стихийности его натуры, внезапности его взрывов. Может быть, поэтому недостаточно оправданы колебания героя и уход его из дому. Внимание И. Локштановой целиком сосредоточено на воплощении запретной любви Илоны к Аарне. Она делает это весьма убедительно, с трогательной искренностью, но меньше ценит другую сторону образа — желание «схвати[illegible] за шиворот весь мир, встряхнуть его... чтобы заставить всех людей стать... счастливыми». Хочется пожелать одаренной актрисе в этой роли большего стремления к деятельности, [illegible].

Трудно согласиться с исполнением роли Марты Э. Осмоловской. Совершенно неожиданно образ женщины, испытывающей тяжелую семейную драму, решается комедийно-сатирическими средствами.

Общий итог говорит в пользу спектакля. За это — его строго реалистическая ткань, слаженный ансамбль актеров, обилие удач у исполнителей так называемых вторых ролей. Особенно запоминаются Сандра — Т. Трушина, настоящая сплетница [illegible] ленивно-нахальными глазами, и [illegible] Вайнио, филигранно, с блеском отделанный В. Шрамченко.

Спектакли минского театра сви[illegible]тельствуют о неустанных исканиях коллектива. Это напряженные поиски своего творческого лица, проблемной пьесы, отвечающей устремлениям труппы, поиски общего для всех художественного языка. Победы театра — это победы творческой принципиальности, его неудачи — уступки упрощенности и штампу. Но при всех условиях театр остается неизменно верен своему тяготению к большой теме. Ни одна из низкопробных детективных и развлекательных однодневок не была на его сцене.

Перед театром открываются большие репертуарные перспективы. Он готовится отметить два великих взаимосвязанных праздника — 40-летие Октября и 40-летие Советской Белоруссии — циклом пьес, посвященных героической истории родного народа. Творческий коллектив театра хочет развиваться, говоря словами К. С. Станиславского, «не вширь, а вглубь». Он ставит перед собой сложные задачи и идет путем наибольшего сопротивления в искусстве — а это путь тернистый, но плодотворный.

М. РОГАЧЕВСКИЙ.